

Куда тебе столько денег?

Грибы-как дети
и ЗАБОТЫ требуют
ВНИМАНИЯ

Для реваншуши, - смеюсь я,
представив себя на мновешие
психоделическим Ленином...

Хорошо, чтобы люди

грибы натуральные ели, а не

LSD...

Mei Lee

ГЛАВА 38. Часть первая. В тюрьме.

– Мат тебе, расставляй заново, – смеется Виктор, вытирая капли дождя с картонки, на которой нарисовано шахматное поле. – Послушал я, Вась, твою историю, и хочу спросить тебя. Только ты не обижайся. Ты, Вась, идиот или дурак? Сбежать от полиции с их деньгами, а потом, всего через неделю, вернуться обратно домой только потому, что у тебя первый урожай грибов пошёл.

– Я не знаю, Вить. Я сам себе этот вопрос очень часто за последние полгода задаю. Может, я и правда, идиот. А домой я вернулся не только из-за грибов. Не был я уверен, что полиция у меня на хвосте. Думал, местные бандиты меня хотят на деньги развести. Я, на всякий случай, байк тогда свой сменил, одежду себе новую купил, и даже бороду с усами сбрил. Хотя, если честно, главным мотивом моего возвращения домой были псилоцибиновые грибы и гидропоника. Я три месяца днём и ночью работал, экспериментируя с разными способами выращивания. Не так просто в индийских условиях добиться урожая, особенно в промышленных масштабах. И, как только после многих неудачных экспериментов у меня наконец-то вырос первый гриб, я уже не смог бросить свой труд. Растить грибы, Вить, – это тебе не поддельный кокаин из зубного анестетика делать. Грибы, они как дети, – внимания и заботы требуют.

– Ты понимаешь, Вась, что тебе повезло, что полиция пришла именно в тот день, а не через пару недель.

– Да, через пару недель грибов была бы тысяча.

– Тогда не нужно было бы полиции тебе МДМА подсыпать.

– Да нет у них ведь статьи за грибы, никого ещё здесь за них не сажали.

– Зато за псилоцибин, что в этих грибах, посадить легко могут. За пятьдесят грамм синтетического псилоцибина десять лет тюрьмы получить можно. Ты понимаешь, что тысяча доз галлюциногенных грибов ежедневно – это реальный подрыв рынка ЛСД в Гоа. А ведь это ЛСД кто-то сюда оптом поставляет. Если бы у тебя была хотя бы пара сотен таких грибов, их бы отправили в

Хайдерабад, на экспертизу. И, была бы у тебя статья за выращивание и производство наркотиков в промышленных масштабах. А это уже – от десяти до двадцати.

– У меня и так, Вить, сейчас статья от десяти до двадцати. Предупреждали же меня мои друзья, Андрей с Наташей, опытные грибники со стажем, что нельзя псилоцибиновые грибы продавать. Дарить, обмениваться можно, а продавать – нельзя. Обидеться грибы могут. Лет десять уже эти ребята грибы у себя дома выращивают. Говорили ведь они мне, что грибы – это такая загадочная жизнь: не растения, и не животные. Индейцы майя поклонялись этим грибам, считая их плотью Бога. Я и на ресурсах разных в интернете читал, что нельзя грибы продавать.

– Что же ты, Вася, тогда плантацию целую решил у себя сделать?

– Ну, во-первых, десять штук баксов каждый месяц – неплохие деньги. А, во-вторых, вырастив столько грибов можно было бы ЛСД с драг-рынка в Гоа вытеснить. Сколько людей за последние годы от ЛСД спятило? Каждый год, только русское посольство с десяток сумасшедших на Родину отправляет. А чтобы с грибов кто-нибудь с ума сходил, – я не слышал. Грибы всё-таки, натуральный, природный продукт. Их в Европе во многих странах легально в смартшопах продают. Может, ЛСД последнее время не чистое стали делать? Я не знаю. Только вот с каждым годом всё меньше и меньше мне ЛСД хочется. А грибы у меня были с родословной, настоящие камбоджийцы, кубенсисы. Полицейские у меня в репорте даже количество не указали. Просто написали: «Статья 20А, выращивание марихуаны и психотропных грибов». У меня ведь, Виктор, пара килограммов гидропоники должно было выходить каждые два месяца.

– Вася, – это же ещё десять штук баксов, каждый месяц. Куда тебе столько денег?

– Для революции, – смеюсь я, представив себя на мгновение психоделическим Лениным.

– Вася. Когда же ты в революции играть перестанешь? У тебя же борода уже седая.

– Никогда, наверное, Вить, не перестану. Во все времена были и будут люди, недовольные тем говном, что окружает нас. Я принадлежу к категории таких людей.

– Вася, но ведь всем вечно недовольным революционерам одна дорога – или на крест, или на каторгу.

– А нету, Вить, другого пути у нас. Или соглашаться с тем говном, которое вокруг нас, или противостоять ему. Ты вот всю свою жизнь соглашался, и на сердце у тебя оттого было не спокойно. Вот и бухал ты, и на наркотиках торчал потому, что не было у тебя другого выбора. С детства я, Вить, не могу видеть спокойно недостатки окружающего мира, не научился я на них не обращать внимания. И, поэтому, путь мой жизненный – противостоять этим недостаткам. А каждый, кто не может спокойно соглашаться со всем дерьмом этого мира, делает свою революцию. Я вот мечтаю, чтобы пропал с рынка кокаин, который негры в своих жопах привозят. Мечтаю я, чтобы фрики настоящие в Гоа опять вернулись. Я бы хотел вернуть тот рай, который нашел здесь несколько лет назад. Хорошо ещё, чтобы люди грибы натуральные ели, а не ЛСД непонятого происхождения, хочу, чтобы люди курили траву качественную, а не чарас, с навозом перемешанный.

– Так что же, Вась, твоя революция заключается в том, чтобы пересадить народ с некачественных наркотиков на качественные?

– Нет, Вить. Наркотики – это защитная реакция людей на несправедливость социума. Общество хочет, чтобы все были рабами потребления, а правильные наркотики излечивают от этой заразы. Коррупцированные правительства говорят, что пытаются защитить население от наркотиков, но на самом деле делают все возможное, чтобы подсадить людей на другие, более вредные и более разрушительные. Сколько лет идёт война в Афганистане? Кому нужна эта забытая Богом земля, на которой нет ничего, кроме опиумного мака? Афганистан является основным поставщиком героина во всём мире. Никто не борется с героином, все стараются получить контроль над его производством. Алкогольные и табачные корпорации на государственном уровне рекламируют свои наркотики. Никто не заботится о людях, вокруг сплошная ложь и лицемерие. Как можно противостоять этим транснациональным драг-дилерам, если в их руках власть, оружие, деньги и закон, который они же и создают, чтобы оберегать свои интересы? Как может противостоять им обычный человек, на которого через СМИ ежедневно обрушивается гора ложной информации? Среднестатистический человек уже не способен думать сам. За него думает и решает «Старший Брат», пресекая всяческие возможности вольнодумия. И только правильные наркотики, при правильном употреблении помогают расширить сознание и вый-

ти из игры, навязанной социумом. Много разных несправедливых вещей в современных обществах. И всю эту несправедливость я и называю: «говно». Я не призываю бороться с ним до победного конца, это уже утопия. Я считаю, что нужно противостоять ему, чтобы общество менялось, эволюционировало, а не застаивалось на месте.

– Но ведь говно, про которое ты, Вась, говоришь, всегда было и будет.

– Да, говна во все времена было много, только отношение к нему у нас с тобой разные. Тебе всё равно, ты умеешь с ним жить, а я не могу.

– Ты понимаешь, Вась, что своей революцией ты людей берешь и тыкаешь, как котов шелудивых, в их дерьмо, их же носом?

– Витя, но это же прекрасная возможность убрать своё говно и стать лучше.

– А они просили тебя тыкать их туда носом? Ты сначала сам, Вась, избавься полностью от него, а потом людей поучай, Троцкий хренов. Сказал бы мне прямо, что бабок хотел заработать, а то мне мозг тут трахаешь про революцию. Я вот честно говорю, я всю жизнь деньги зарабатывал, и мне пофигу всегда было, что у других в голове происходит. Никогда не думал, что у кого-то в голове революция или противостояние может быть.

– Всё ты, Вить, в своей голове бабками меряешь. Конечно же, и мне деньги нужны, всем они нужны. Я не говорю, что я святой. Но, должен же человек, как личность, противостоять системе. Ведь любая социальная система имеет одну цель: подавить нас как личность и сделать рабами, чтобы работали мы всю жизнь, как роботы, не задумываясь, для чего и зачем мы живём.

– Но ведь, Вась, ведь и система всегда будет противостоять таким, как ты, революционерам. Сколько людей погибло и спятило за последние годы из-за твоих правильных наркотиков? Ты не чувствуешь на себе ответственность за то, что прямо или косвенно в этом есть твоя вина?

– Не знаю, Вить, не понял я ещё, есть ли в этом моя вина, или нет. Те, пострадавшие от психоделиков люди, своим примером показывают обратную сторону медали. Психоделические наркотики – это, всё-таки, в первую очередь, лекарство. И, как я могу быть виноватым в том, что люди едят это лекарство, не зная меры? Психоделическая революция – это как зеркало, в котором социум видит свои недостатки и меняется. Не будет противосто-

нения, не будет и развития общества. Такие люди, как мы, нужны обществу. Противостоит говну, мы подталкиваем общество к очищению. Слышал ты, Вить, про такую секту «Аум Синрикё»? Помнишь, несколько лет назад они ядовитый газ в токийском метро пустили?

– Да, что-то было такое. Что, они тоже психоделические революционеры были?

– Я ведь раньше не понимал, для чего они это сделали. Да и никто не понял тогда, с какой целью слепой, сумасшедший сектант организовал теракт, в котором погибло много невинных людей. А прочитав книгу «Подземка», я всё понял. Тысячи, миллионы людей по всему миру живут, как роботы, обменивая свою жизнь на ничего не стоящие, но якобы ценные бумажки. Они часто производят ненужные вещи, и убеждают друг друга в их необходимости. Смысл их жизни сводится к тому, чтобы работать во имя работы. «В шесть сорок пять, как обычно, я проснулся, в семь тридцать вышел из дома, в семь сорок пять, как обычно за последние пятнадцать лет, я зашёл в первую дверь предпоследнего вагона метро, в восемь пятнадцать я почувствовал, что подышаю от ядовитого газа, но я не пошёл домой или в больницу, я пополз в свой офис, на завод, на работу, чтобы отпроситься у начальника», – так описывали тот ужасный день в этой книге все пострадавшие. Они сотнями, как отравленные тараканы, дошли по дороге, становились инвалидами, но всё равно шли или ползли на работу потому, что привыкли это делать всю свою жизнь. И этот безумный, слепой, старый сектант, возглавивший «Аум Сенрикё» ничем не хуже Че Гевары или любого другого пророка, который не пожалел своей жизни, пытаясь спасти людей от саморазрушения. К сожалению, он нашёл для себя только один способ встряхнуть сознание людей. Отравив ядом людей в Токийском метро, он показал людям, кто они есть. Социум превратил людей в безмозглую массу, имеющую только одну цель: жить во имя социума.

– Вот поэтому, Вась, и закрыл тебя здесь социум – для лечения. А как вылечишься, выпустят тебя отсюда. А ещё, Вась, от таких как ты, только проблемы у людей во все времена были. Живёт, к примеру, человек, и не трогает никого, всё у него хорошо в жизни. А потом появляется умник-революционер и начинает жизни учить. Ты видел, как на парадах солдаты гордо ходят? И получается это у них красиво потому, что это им нравится делать. А ты смеёшься над ними, роботами таких людей называешь, жалеешь

их. А им твоя жалость совсем не нужна. Их устраивает их жизнь, потому и получается всё у них, а у тебя нет.

– Никого я уже давно не поучаю, и проповедовать свою психоделику закончил, и вообще, – я в тюрьме сижу. Те, у кого маршировать красиво получается не едут сюда в поисках смысла жизни, и душа у них не болит, когда они бомбят и стреляют в мирное население за нефтяные или другие денежные интересы государства. А те, у кого душа болит от несправедливости современной жизни, сами находят меня и просят продать им лекарство для больных душ. Ведь сначала психоделика и была придумана, как лекарство. И продавалась раньше в аптеках. Только вместо того, чтобы давать людям информацию о вреде злоупотребления, социум стал запрещать не только сами препараты, но и информацию о них. Слава Богу, интернет они контролировать пока не начали. Хотя, в Китае многие ресурсы в сети недоступны. Ты знаешь, Вить, как я несколько лет назад, в России, покупал книгу «ЛСД и американская мечта»?

– Нет, а что, разве сейчас проблема какую-нибудь книгу купить? – удивленно спрашивает Виктор, смотря на меня, как на сумасшедшего.

– А то, что много книг сейчас запрещены, ты об этом не знаешь? «Лечебная марихуана», «Низший пилотаж», «Штурмующие небеса» и многие другие, якобы из-за пропаганды наркотиков. То, что люди передают свои знания о наркотиках, считается пропагандой. Люди старались, накапливали информацию, экспериментировали со своим мозгом и телом, потом эти люди писали книги, чтобы передать другим эти знания, а социум, как во времена инквизиции, просто запрещает еретическую литературу. Ведь могли бы написать на обложке: «Книга содержит информацию о пропаганде наркотиков, детям до тридцати одного года продавать запрещено». Нет же, ересь нужно запрещать, альтернативы быть не должно. Прихожу я в книжный магазин в России, и говорю: «Хочу книгу купить, «ЛСД американская мечта». «Нет», – говорят мне в магазине, – «нельзя нам эту книгу больше продавать, оштрафовать нас могут за такую литературу». Я только собрался уходить, но меня догоняют возле входа и говорят: «Но, вы можете заявку на эту книжку написать, и, если мы найдем такую, то вам позвоним». Записал я им свой номер телефона, выхожу на улицу, собрался уже домой идти, меня на улице догоняет продавец и, оглядываясь по сторонам, говорит: «Пойдемте за мной, у меня есть то, что вам

нужно». Заводит меня в подсобку, открывает дверь в комнату, а там на столе книги запрещённые лежат. «Выбирайте», – говорит, – «только посторонним людям не говорите, что у нас покупали»

– Да, Вась, книгу ты покупал, как рабочий газету «Искра» в семнадцатом году. Не знал я, что у нас в стране с цензурой всё так печально.

– Ты думаешь, Вить, что запрещая читать книги о наркотиках, государство заботится о том, чтобы люди не сходили с ума и с мостов не прыгали? Боится государство, что его граждане не пойдут больше за нефтяные деньги воевать, боится социум, что не захотят люди вкалывать на химических фабриках, получая молоко за вредность. Боится социум, что разочаруются его граждане в религии главной, под названием «Золотой Телец».

– Но, ведь кто же работать тогда будет? – спрашивает Виктор, поднимаясь со ступенек.

– А кто хочет, Вить, тот и будет работать. У крестьянина ни за какие коврижки его поле не отнимешь, и рабочие у нас в стране в перестройку почти бесплатно на заводы и шахты шли и работали. Если нужно для выживания работать, то человек будет хотеть работать. А вот когда социум ежедневно через СМИ напоминает, что ты лох, если у тебя не самая последняя модель телевизора, холодильника или сотового телефона, – то это уже обман. И боится социум, что его граждане умнее станут, что перестанут обслуживать его дворцы и шестисотые мерседесы.

– Ты, в натуре, Вася, фанатик сумасшедший. И правильно сделали, что тебя сюда посадили.

– Может быть и правильно, время покажет, – вздыхая, соглашаюсь я. – Только ты, Вить, не всё ещё про меня знаешь, придёт время, и расскажу я тебе, за что меня полиция сюда упрятала, а пока рано тебе ещё это знать.

ГЛАВА 38. Часть вторая. На воле.

– Привет, Жора, сколько же лет мы не виделись, – протягиваю я руку высокому, крепкому парню, лежащему на полу возле низкого чайного столика.

– Здорово, Вась, три года я в Гоа не был, время быстро летит.

– А где твоя жена? – спрашиваю я старого товарища, осматривая пространство ночного бара.

– А с Наташкой мы год назад разошлись, я вот один теперь приехал. В этот раз на весь сезон, а может, и на всю жизнь. Помнишь, Вась то пати, три года назад, когда мы познакомились? После него у меня вся жизнь изменилась. Тогда я понял всё. Понял, что живу неправильно, понял, что люди окружают меня неправильные, понял, что занимаюсь не тем, чем хочется. Вот, наконец, избавился от якорей, которые меня всегда держали. Бросил я не интересную работу в строительной компании, от жены избавился, которая любила не меня, а мои деньги. Теперь я по-настоящему свободен.

– Хорошо выглядишь, Жора, намного лучше, чем три года назад.

– Я, Вась, уже тридцать килограмм сбросил с тех пор.

– Да, тогда ты, Жора, на кабанчика был больше похож, а сейчас настоящий психоделический воин. Только воевать больше негде. Пати нет. Народ правильный по другим странам разъехался уже.

– А это что? Чем тебе не пати? – удивленно спрашивает Жора, показывая руками на пространство в ночном баре вокруг нас.

– Это «Псайбар», это не пати.

– Но, зато это единственное, Вась, место, где в Гоа всю ночь транс послушать можно и потанцевать.

– Хоть и негромко, но пока ещё можно, – соглашаюсь я, располагаясь на лежащем на полу матрасике. – Молодцы эстонские ребята, самый красивый в Гоа трансковый бар сделали. Хочешь – танцуй, хочешь – валяйся. Большинство валяется.

Мы, полулёжа, сидим на полу, на матрасиках, в небольшом помещении, на стенах которого натянуты огромные полотна из холстовой ткани, покрашенной флюоресцентными красками. Пейзажи космических пространств нереально красиво светятся в темноте.

– Я так понял, Вась, «Псайбар» сейчас – лучшее место в Гоа, чтобы потриповать. Я вот капельку ЛСД съел уже, – загадочно улыбаясь, говорит Жора, полулёжа, пританцовывая руками и ногами.

– Что-то по тебе, Жор, не очень видно, что ты в трипе.

– Да я эти капельки каждый день здесь щёлкаю, уже месяц. Для меня капелька ЛСД сейчас, как бутылка пива.

– Ой, Жора, будь осторожен. Столько людей от кислоты уже спятило. Нельзя её каждый день есть. В прошлом сезоне хозяин этого заведения, Илья, переел кислоты и начал на людей бросаться. В психушке здесь лежал, еле домой его отправили.

– За меня не переживай, Вась, я не спячу, у меня крепкий мозг. Сам-то, Вась, как здесь, в Гоа, поживаешь? Давно в России не был?

– Сложный для меня, и непонятный этот вопрос. Для кого-то и две недели долго, а для меня – третий год, как одна неделя. Я, как открыл свой рестик здесь, так и не возвращался на Родину больше.

– И что, Вась, не тянет на Родину-то?

– Здесь теперь моя Родина. Здесь у меня дочка в школу в первый класс пошла. А в рашку нельзя мне. В розыске я сейчас.

– Что, за наркотики? – спрашивает Жора, профессионально скручивая красивый ровный джойнт.

– Надеюсь, что нет.

– Это как же?

– А так. Хотя я в России законы не нарушал, но несколько драгдилеров, связанных со мной, в тюрьму там посадили. И, в то же самое время, на меня налоговая полиция дело завела, за неуплату налогов. А в розыске я, почему-то, по статье «мошенничество». Сейчас, в России, брат мой родной пытается разобраться с этим делом. Он с моим паспортом в милицию ходил. Сказал, что он – это я. Хорошо, что он на меня похож, вроде и не арестовали его сразу. Дал подписку, что он.. точнее я, теперь выезжать из России не могу. Так что я сейчас по документам в рашке, под подпиской о невыезде. А паспорт у меня здесь через три месяца заканчивается. Вот если брат Лёха в суд за меня пойдёт, и успеет до окончания срока действия паспорта дело моё закрыть, то тогда мне новый паспорт можно будет сделать, и прислать сюда. Тогда я снова стану свободным, а пока – я невыездной из Индии.

– Ну, может это, Вась, и к лучшему, – уважительная причина в Индии жить, об этом многие только и мечтают.

– Привет, Мишань, – протягиваю я руку подошедшему к нам бармену. – Знакомься, Миш, это мой друг Жора. Мы с ним три года назад красиво на пати зажигали.

– А я, Вась, знаком с ним. Он у меня кислоту и чарас каждый день здесь покупает.

– Вот кстати, посмотри, Жора, на Мишаню. Это – единственный персонаж из всех моих знакомых, который после сильного кислотного флипаута назад, в нормальное состояние вернулся. В прошлом сезоне они тут с Ильей ЛСД чуть ли не стаканами продавали. Ну, и сами прикладывались нехило. Илья до сих пор у психиатров в Эстонии лечится, а Мишаня молодец, сам оклемался.

– Было дело. В тот сезон мы, действительно, по-взрослому зажигали, – смеется Мишаня, запроляя за уши длинные, волнистые

волосы. – Я вот только, Вась, во время своего флипаута паспорт где-то потерял. Сейчас мозги на место вернулись, и не знаю я, что делать. Виза у меня год назад ещё закончилась.

– Что-нибудь придумаешь. Не переживай, – похлопывая по плечу, подбадривает его Жора, зачем-то кладя себе в стакан с колой горстку ракушек. – А как, Вась, дела в твоём «Хэмпе»?

– Да ничего, Жора, пока без приключений. Помнишь Дэна, моего напарника? Кинул он меня на деньги в Непале, зная его больше не хочу. Но, зато в этом сезоне нового партнера отличного себе нашёл. Саня зовут. Не нарадуюсь на него. Хотя и молодой парень, но ответственный. Теперь у меня режим работы нормальный стал. Неделю работаю, неделю отдыхаю. Прибыль с ним пополам делим. Вот сейчас могу спокойно всю ночь здесь, в Псайбаре, зависать, завтра на работу не надо.

– Ты так говоришь, Вась, будто на заводе работаешь.

– Не поверишь, это только в первый год когда работал, как на праздник в свой рестик ходил. А как стал во втором сезоне алкашку продавать, праздник превратился в работу. Работа, она всё равно остаётся работой. Будь то конвейер на заводе, или ресторан на берегу океана. Сложно, наверное, в это поверить, но надоело мне с утра до вечера на берегу сидеть. Я уже и в море почти не купаюсь. А иногда, в рабочую неделю, уезжаю на полчаса домой, чтобы одному хоть недолго побыть. Не те сейчас люди ко мне в ресторан ходят. Раньше мне с клиентов деньги неудобно было брать, потому что люди интересные были. Каждый – как новая Вселенная. Можно было часами общаться на любые темы. А сейчас мне с новыми туристами и поговорить-то не о чем. Сядут, и с утра до вечера пиво пьют. И ещё в слова играют. Я им говорю: «Пойдёмте сегодня в «Вест Энд», на пати. Покажем, что мы всё ещё живы, что свободу мы ни на что не променяем», а они в ответ мне: «Не, сам туда иди, в слова интереснее играть, на «ж» начинается, на «а» заканчивается. Что это за слово?» И визжат даже от остроумия такого. А о чём, Жора, они разговаривают, ты бы слышал. Я просто их не понимаю. Точь-в-точь, как наши политики. Вроде что-то говорят, но совсем ни о чём. Мне их, наоборот, на деньги развести хочется за их высокомерную глупость. Я от скуки в шахматы начал играть. Сiju с утра до вечера в рестике, в шахматы с туристами играю. Звал я приехать в Гоа лучших людей, а приехали дегенераты и уебаны. Почему так вышло, – никак понять не могу. Жора, ты не представляешь, какие уроды стали сюда ездить. Ко

мне в ресторан повадился ходить один придурок, не знаю, как от него избавиться. Большой спидом, алкоголик и наркоман. Когда трезвый – вроде нормальный человек, а как выпьет немного, тут же бежит в аптеку, амфетамины себе покупать. Обдолбается до безумия, и начинает к людям приставать. Выгонишь его из рестика, так он возле входа людей подлавливает, и пытается им мозг своим бредом разрушить. Мишаня в прошлом году таким же был. Скажи вот, Мишань, зачем ты в прошлом году на улице музыканту об голову его флейту разбил?

– Ой, не знаю, Вась, всё как в тумане было. Помню, что идёт чувак по дороге, и на флейте играет. И музыка совсем на транс не похожая. А я как раз пару капелек съел. Не легла его музыка на мой трип. Вот и сломал я его флейту ему об голову. Стыдно, Вась, вспоминать сейчас. Я кислоту больше не ем с тех пор. Это было последней каплей. Я ведь целый сезон безобразничал. Меня даже порезать индусы хотели. Хорошо, что промахнулись. В больничке, когда мне руку зашивали, чуть врача не побил.

– А я на тебя, и на таких, как ты, Мишань, насмотрелся, и ЛСД тоже больше не ем. Да и любой другой химический наркотик не чаще раза в месяц теперь употребляю.

– Ну а я, парни, до такого понимания ещё не дошел, – говорит Жора, доставая из кармана пятьсот рупий. – Есть у вас кислота на продажу?

– У меня всё закончилось. Новая кислота завтра будет, – разводит рукамит Мишаня, с серьезным лицом наблюдая, как Жора шепчет что-то в свой стакан.

– А у меня есть. Могу продать, – говорю я, доставая марку ЛСД чёрного цвета.